Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник (Волшебная лампа Алладина)

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2
Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3
Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 4

«Говорят, о счастливый царь, будто был в одном городе из городов Китая портной, живший в бедности, и был у него сын по имени Ала ад-Дин. И был этот сын шалый, непутевый с самого малолетства, и когда исполнилось ему десять лет, отец захотел научить его ремеслу. Но так как жил он в бедности, то не мог отдать сына какому-нибудь мастеру, чтобы тот научил его ремеслу, ибо это потребовало бы расходов на учителя, и он взял мальчика1 в свою лавку с целью обучить его портняжному делу. А Ала ад-Дин был непутевый мальчишка, он привык целый день шляться с уличными ребятами, такими же беспутными, как он сам, и не мог ни часа, ни минутки высидеть в лавке; он только и ждал, когда отец уйдет к какому-нибудь заказчику, и сейчас же бросал лавку и уходил играть с другими озорниками.

Вот каковы были его привычки, и нельзя было его заставить слушаться отца, и сидеть в лавке, и учиться ремеслу. Отец выбился из сил, наставляя его, но ничего не мог с ним поделать, и от великой печали и огорчения он заболел тяжелой болезнью и умер. А Ала ад-Дин продолжал вести себя как шалопай, и когда мать Ала ад-Дина увидела, что ее муж преставился к милости великого Аллаха, а сын повесничает и не знает ни ремесла, ни другого какого дела, которым можно было бы добыть пропитание, она продала все, что было у мужа в лавке, и стала прясть хлопок, и кормилась трудами рук своих, и кормила своего сына, непутевого Ала ад-Дина.

А Ала ад-Дин, увидев, что он избавился от сурового своего отца, стал еще больше озорничать и повесничать и приходил домой только в час еды, тогда как его бедная мать пряла и трудилась сверх сил, чтобы добыть пропитание для себя и для сына, и жила она так, пока не стало ее сыну Ала ад-Дину пятнадцать лет.

И вот однажды, когда Ала ад-Дин играл на улице с другими непутевыми мальчишками, вдруг остановился неподалеку от них какой-то человек, чужеземец, и стал смотреть на Ала ад-Дина и наблюдать за ним, не обращая внимания ни на кого из его товарищей. А этот человек был магрибин-ской породы, колдун, который учинял своим колдовством одну хитрость за другой, и знал он всякие философии и все науки, и хорошо разбирался в науке о положении звезд. И когда он бросил взгляд на Ала ад-Дина и хорошо всмотрелся в него, он сказал про себя: «Поистине, этот мальчишка -тот, кто мне нужен, и ради того я ушел из своей страны, чтобы его сыскать!»

Он отвел одного из мальчишек подальше и начал его спрашивать про Ала ад-Дина — чей он сын, как зовут его отца, и выспросил обо всех его обстоятельствах, а потом подошел к Ала ад-Дину, отвел его в сторону и спросил: «Мальчик, ты такой-то сын такого-то портного?» — «Да, господин паломник,— отвечал Ала ад-Дин,—но мой отец уже давно мертвый».

И когда магрибинец услышал это, он тотчас же бросился Ала ад-Дину на шею, обнял и стал целовать, а сам плакал, а Ала ад-Дин, увидав, что магрибинец в таком состоянии, очень удивился: «По какой причине ты плачешь и откуда ты знаешь про моего отца?»

И магрибинец ответил слабым, печальным голосом: «О дитя мое, как ты можешь мне задавать такой вопрос? Я плачу потому, что ты сказал о смерти твоего отца, а ведь он мне брат по матери и отцу. Я утомился, идя из далеких стран, но радовался, надеясь его увидеть и повеселить мои взоры лицезрением его, а ты, племянник, говоришь, что он умер! Потому я о нем и плачу, и еще я плачу о своей злой судьбе — ведь он умер раньше, чем я его повидал. И едва я увидел тебя, дитя мое, от меня не укрылось, клянусь Аллахом, что ты сын моего брата, и я узнал тебя среди мальчиков, с которыми ты играл, а ведь мой брат, твой отец, когда мы расстались, еще не женился. И клянусь Аллахом, дитя мое, мне лучше бы повидать брата и умереть вместо него, ибо я надеялся после долгих скитаний еще раз взглянуть на него, но поразила меня разлука. От того, что будет, не убежишь, и нет ухищрения против власти Аллаха над его тварями, но ты, сынок, заменишь мне его, поскольку ты его сын, и я буду утешаться тобою: кто оставил подобного тебе, тот не умер».

Потом магрибинец сунул руку в карман, вынул десять динаров, протянул их Ала ад-Дину и сказал: «О дитя мое, где вы живете и где твоя мать, жена моего брата?» И Ала ад-Дин взял магрибинца за руку и провел его к их дому, и магрибинец сказал ему: «Возьми, сынок, эти деньги, отнеси их матери, передай ей от меня привет и скажи: «Мой дядя, брат моего отца, вернулся с чужбины». А я, если позволит Аллах, завтрашний день приду к вам, чтобы поздороваться с твоей матерью, и посмотрю на тот дом, где жил мой брат, и погляжу на его могилу».

И потом магрибинец поцеловал Ала ад-Дина, и оставил его, и пошел своей дорогой, а Ала ад-Дин, радуясь деньгам, побежал поскорей домой. Он пришел в необычное время, так как обыкновенно заходил домой только в час обеда и ужина, и, полный радости, вбежал в комнату и закричал: «Матушка, я тебя порадую: мой дядя, брат отца, вернулся с чужбины и передает тебе множество приветов!» — «Ты как будто смеешься надо мной, сынок! Где у тебя дядя и откуда ему взяться? Нет у тебя никакого дяди!» — сказала ему мать.

И Ала ад-Дин воскликнул: «Как это ты, матушка, говоришь, что у меня нет дяди и нет в живых никаких родственников, когда я только что видел своего дядю и он меня обнимал и целовал, а сам плакал! Он узнал меня, и он знает всю нашу семью, а если ты не веришь, посмотри: вот десять динаров. Он мне их дал и сказал: «Отнеси их матери»,— и, если позволит Аллах, он завтрашний день придет к нам, чтобы с тобой поздороваться. И он велел тебе передать эти слова».

«Да, сынок,— сказала мать Ала ад-Дина,— я знаю, что у тебя был дядя, но он умер задолго до твоего отца, а другого твоего дяди я не знаю».

И она всю ночь раздумывала об этом событии, а колдун-магрибинец, когда настало утро, поднялся, надел свою одежду и отправился на ту улицу искать Ала ад-Дина, потому что его душа не терпела разлуки с мальчиком. Он до тех пор искал его, пока не нашел, а Ала ад-Дин, как всегда, играл с детьми. Магрибинец подошел к Ала ад-Дину, обнял его и поцеловал, потом вынул из кошелька два динара и сказал: «Возьми их, сынок, отдай твоей матери и скажи: «Мой дядя хочет прийти к нам сегодня вечером и поужинать у нас; возьми эти деньги и сделай на них хороший ужин». Но прежде чем мы расстанемся, проведи меня еще раз к твоему дому, чтобы я не ошибся и нашел его».— «Слушаюсь!»—сказал Ала ад-Дин, и пошел впереди магрибинца, и привел его к своему дому, и тогда магрибинец оставил его и ушел, куда хотел, а Ала ад-Дин вбежал к матери, передал ей слова своего дяди, и отдал те два динара, и сказал: «Мой дядя хочет сегодня вечером у нас поужинать».

И мать Ала ад-Дина пошла на рынок, купила всего, что ей было нужно, и вернулась домой, и стала готовить ужин, а блюда и другую посуду она заняла у соседей. Когда же пришло время ужина, она сказала своему сыну: «Сыночек, ужин готов. Может быть, твой дядя не знает дорогу к нашему дому, пойти встреть его!» — «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Ала ад-Дин, и когда он выходил из дома, в ворота вдруг постучали. Он тотчас же вышел и открыл ворота, и оказалось, что это магрибинский колдун и с ним раб, который несет кувшин с набизом, плоды, сласти и прочее.

И Ала ад-Дин взял все это у раба, и раб ушел своей Дорогой, а Ала ад-Дин пошел впереди магрибинца, и когда они оказались посреди комнаты, магрибинец выступил вперед и поздоровался, плача, с матерью мальчика и спросил ее, где обычно сидел его брат. Она показала магрибинцу место ее мужа, и магрибинец подошел и начал целовать там землю, восклицая: «Увы, как печальна моя судьба! Как это я лишился тебя, о брат мой, о слезинка моего глаза, о мой любимый!»

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он до тех пор говорил такие слова, плакал и причитал, хлопая себя по щекам, пока мать Ала ад-Дина не испугалась, что ему станет дурно от столь большого усердия. Она подошла к магрибинцу, взяла его за руку, подняла его и сказала: «Что толку, о деверь, от всего этого! Ты только сам себя убиваешь!» Она усадила магрибинца и принялась его утешать, и когда магрибинец пришел в себя, он начал с ней разговаривать и сказал: «О жена моего брата, не удивляйся, что ты меня не знаешь и что при жизни моего брата ты меня ни разу не видела. Это потому, что я покинул наш город и расстался с братом сорок лет назад, и я обошел Хинд, Синд и все города Магриба, и вступил в Каир, и жил я в светозарной Медине — да пребудут над ее господином наилучшие благословения и приветы Аллаха! Оттуда я отправился в страны нечестивых и пробыл там четырнадцать лет, а потом, после этого, о жена моего брата, я стал думать в один из дней о моем брате, моем городе и родной земле, и поднялись во мне тоска и желание увидеть брата. И начал я плакать, и непрестанно побуждала меня тоска направиться сюда, в этот город, чтобы взглянуть на брата, и наконец я сказал себе: «О человек, сколько времени ты на чужбине, вдали от родной страны! Есть у тебя один-единственный брат и никого больше, пойди же, посмотри на него. Кто знает, каковы удары судьбы и превратности времени? Великая печаль будет, если ты умрешь, не повидав брата. Ведь ты, слава Аллаху, обладаешь богатствами и обильными благами и у тебя много денег, а твой брат, может быть, живет стесненною жизнью. Пойди же и взгляни на него, и если увидишь, что он пребывает в бедности,— помоги ему». И я подумал обо всем этом и, когда наступило утро, собрался в путешествие. Я пошел на пятничную молитву, а потом сел на своего чистокровного коня, и пустился в дорогу, и претерпел много трудностей и страшных опасностей, но Аллах судил мне благополучие, и я прибыл в ваш город. И когда я ходил по его улицам, я увидел твоего сына Ала ад-Дина, который играл с уличными мальчишками, и, клянусь великим Аллахом, о жена моего брата, с той минуты, как я его увидел, мое сердце раскрылось для него,— кровь ведь стремится к родной крови,— и я узнал его по наружности. И забыл я, когда увидел его, все тяготы и заботы, которые перенес и испытал, и велика стала моя радость. Но Ала ад-Дин рассказал мне, что мой покойный брат умер, и, увы, о жена моего брата, когда я услышал это, я опечалился, и, может быть, Ала ад-Дин тебе говорил, какая великая скорбь и горесть охватили меня. Но я утешаюсь Ала ад-Дином и надеюсь, что по воле Аллаха он мне заменит покойного, а кто оставил себе замену, тот не умер».

Потом он посмотрел и увидел, что мать Ала ад-Дина стала плакать от таких слов, и обратился к Ала ад-Дину, чтобы тот подтвердил, что он действительно брат ее мужа, и утешил ее, и чтобы удалить его хитрость и обман, сказал: «О дитя мое, каким ремеслам ты научился? Скажи мне, научился ли ты ремеслу, на которое ты бы мог жить вместе с матерью?»

Ала ад-Дин застыдился, смутился, повесил голову и уставился в землю, а мать его сказала: «Откуда у него ремесло! Нет у него ремесла! Он только и знает, что озорничает целый день и шляется с уличными мальчишками. Ведь отец его — отчего умер, бедняга?.. Оттого он умер, что из-за него заболел, а я, горе мне, день и ночь тружусь и пряду хлопок, чтобы заработать на две лепешки хлеба, которыми мы живем целый день. Вот он какой, деверь, а у меня не осталось силы, чтобы содержать такого взрослого парня, и я едва могу добыть пропитание. Мне самой нужен кто-нибудь, чтобы меня содержать».

И тут магрибинец обратился к Ала ад-Дину и сказал ему: «Почему это ты, племянник, все беспутничаешь? Стыдись, так не годится! Ты стал мужчиной и умным человеком, и к тому же ты сын добрых людей. Стыдно тебе, что твоя мать, женщина, вдова, бьется, чтобы тебя прокормить, а ты, мужчина, бездельничаешь. Нужно тебе научиться ремеслу, чтобы добывать пропитание себе и матери. Погляди, сынок, у вас в городе много всяких мастеров. Посмотри, какое ремесло тебе нравится, и я определю тебя к мастеру, чтобы ты у него учился и чтобы у тебя, когда вырастешь, было ремесло, на которое можно прожить. Может быть, тебе не любо ремесло твоего отца? Ты выбери ремесло, которое тебе нравится, и скажи мне, а я помогу тебе всем, чем могу».

Но магрибинец увидел, что Ала ад-Дин молчит и не отвечает, и понял, что мальчику это неприятно и что он не желает учиться никакому ремеслу, ибо он так воспитан, что привык бездельничать. «О сын моего брата,— сказал магрибинец,— не печалься из-за меня. Если ты не согласен учиться ремеслу, я открою для тебя купеческую лавку и наполню ее самыми дорогими тканями. Ты узнаешь людей, и будешь торговать с ними, и станешь купцом, известным в городе». Услышав слова магрибинца и обещание, что он станет купцом, Ала ад-Дин обрадовался, так как был уверен, что купцы всегда ходят в чистой и нарядной одежде и что все они — большие люди. Он посмотрел на магрибинца, и засмеялся, и закивал головой, показывая, что он согласен, и магрибинец понял, что мальчику хочется стать купцом. «О сын моего брата,— сказал он,— будь только мужчиной, и я завтра утром возьму тебя с собой на рынок п скрою тебе нарядную одежду, а потом я присмотрю для тебя у купцов лавку и положу туда всяких дорогих тканей, и ты будешь там сидеть, продавать и покупать».

И когда мать Ала ад-Дина услыхала эти слова,— она все еще была в сомнении насчет магрибинца,— она твердо решила про себя, что магрибинец и вправду брат ее мужа,— ведь невозможно, чтобы чужой человек все это сделал для ее сына! — и принялась наставлять и учить мальчика, чтобы он выбросил глупости из головы и всегда слушался дядю, никогда не прекословил ему,— ведь дядя ему все равно что отец. Пора ему наверстать то время, которое прошло в шалостях! Потом мать Ала ад-Дина, дав сыну такие наставления, поднялась и подала ужин, и все сели за трапезу и ели, пока не насытились, а затем вымыли руки и сидели, беседуя о торговых делах, о купле, продаже и прочем.

И Ала ад-Дин всю ночь не спал и словно летал от радости, а магрибинец, увидев, что ночь дошла до половины, встал и ушел к себе домой, обещая, что к утру придет и возьмет Ала ад-Дина с собой на рынок. Когда наступило утро, магрибинец постучался в ворота, и мать Ала ад-Дина встала и открыла ему, но он не захотел войти и потребовал Ала ад-Дина, чтобы взять его с собой, и Ала ад-Дин тотчас же, быстрее молнии, оделся и вышел. Он пожелал магри-бинцу доброго утра и поцеловал ему руку, а магрибинец взял его за руку и пошел с ним на рынок. Там он вошел в лавку одного из больших торговцев и потребовал перемену платья — разноцветного, нарядного, дорогого, и торговец принес ему то, что он хотел: роскошные, полные перемены платья, уже все сшитые.

«О сын моего брата,— сказал магрибинец,— выбирай то, что тебе нравится». Мальчик обрадовался и развеселился, видя, что магрибинец дает ему выбрать самому. Он выбрал нарядную перемену платья себе по душе, и магрибинец отдал торговцу за нее плату и вышел из лавки. Потом они отправились в баню, вместе вымылись и надушились, а выйдя из воды, попили сладкого питья, и Ала ад-Дин оделся в свое новое платье, и ум его улетел от радости. Он подошел к магрибинцу, поцеловал ему руку и сказал: «Да сохранит тебя Аллах, о дядюшка!» И потом они вышли из бани, и магрибинец повел его на рынок торговцев, и погулял с ним по рынку, и показал ему, как производится купля и продажа. «О племянник,—сказал он,—тебе следует глядеть на купцов — как они продают и покупают, чтобы научиться раз бираться в вещах и товарах,— это ведь будет твое ремесло».

Потом он повел Ала ад-Дина по городу и показал ему городские мечети, постоялые дворы и странноприимные дома, а затем они зашли к великолепному повару, и тот подал им роскошный обед на серебряной посуде, и они пообедали, и насладились, и выпили. Затем магрибинец стал показывать Ала ад-Дину местности для прогулок и для развлечений и игр и показал ему дворец султана, а потом пошел с ним на постоялый двор для чужеземцев, в то помещение, в котором он жил. А магрибинец пригласил к себе некоторых купцов, своих соседей, и когда те пришли, он поставил перед ними столик с кушаньями и рассказал им, что этот мальчик сын его брата.

Потом, когда все поели, попили и насытились, магриби нец поднялся, взял Ала ад-Дина за руку и доставил его домой. Он привел мальчика к матери, и когда мать увидела его в такой одежде, в роскошном наряде,— а он был похож на какого-нибудь царевича,— она чуть не улетела от радости и принялась благодарить магрибинца. «О деверь,— воскликнула она,— клянусь Аллахом, мои мысли все спутались, и я не знаю, каким языком мне благодарить тебя за твои милости и как тебя восхвалять за добро и благодеяние, которое ты сделал моему сыну!» — «О жена моего брата,— отвечал магрибинец,— никакого я не сделал благодеяния! Ведь Ала ад-Дин — сын моего брата, а значит, и мой сын, и я обязан заменить ему отца. Будь же спокойна».— «Прошу Аллаха именем его святых и пророков, пусть сохранит и оставит тебя в живых и продлит тебе жизнь, чтобы был ты этому мальчику покровителем!—воскликнула мать Ала ад-Дина.—А он всегда будет тебе повиноваться и никогда не ослушается тебя».— «О жена моего брата, не думай об этом,— сказал магрибинец,— Ала ад-Дин — умный мужчина, и я надеюсь, что, с соизволения великого Аллаха, он заменит тебе своего отца, и порадуются на него твои глаза, и, если захочет Аллах, он станет величайшим купцом в этом городе. Мне тяжело, что завтра день пятницы и я не могу открыть для него лавку, так как все купцы после молитвы уйдут в сады и на прогулки, но в субботу, если пожелает Аллах, я сделаю так, как хочется Ала ад-Дину, и открою для него лавку, а завтра я приду к вам, и возьму его с собой, и покажу ему сады и места для прогулок за городом,— может быть, он их еще не видал. Завтра там будут все купцы, и я хочу, чтобы он познакомился с ними, а они познакомились с ним».

Потом магрибинец попрощался и ушел в свое жилище, а утром он пришел и постучался в ворота. А Ала ад-Дин всю ночь не спал от радости, и, лишь только зачирикали воробьи и наступил день, он поднялся, надел свою одежду и сидел, ожидая дядю. И когда постучали в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
ворота, он, словно искра огня, быстро поднялся, и отпер ворота, и увидел магрибинца. Он подошел и поцеловал ему руку, и магрибинец взял его и пошел с ним.

«Сегодня, о Сын моего брата,— сказал магрибинец,— я покажу тебе кое-что такое, чего ты никогда в жизни не видал». И он ласково разговаривал и беседовал с мальчиком, пока они не вышли из города, и они шли по загородным садам, и магрибинец показывал Ала ад-Дину находившиеся там дворцы и замки, и всякий раз, когда они подходили к какому-нибудь саду, замку или дворцу, магрибинец останавливался, и показывал его Ала ад-Дину, и спрашивал: «Нравится тебе этот сад? — я куплю его для тебя! Нравится ли тебе этот дворец?» А Ала ад-Дин был ведь маленький мальчик и, слыша ласковые слова магрибинца, верил ему, и ум его улетал от радости.

И так они шли, пока не устали, и тогда зашли они в великолепный сад, от вида которого расширялось сердце и светлело в глазах, и фонтаны поливали там цветы водой, извергавшейся из пасти медных львов. Они сели отдохнуть у пруда с водой, и сердце Ала ад-Дина расширилось, и магрибинец начал с ним шутить и беседовать, словно он и вправду был ему дядей. Потом он поднялся, и вынул из-за пояса кулек с разной снедью и плодами, и сказал: «Ты, наверно, проголодался, о сын моего брата, садись, поешь!»

И магрибинец с Ала ад-Дином ели, пока не насытились, и потом магрибинец сказал: «Если ты отдохнул, вставай, походим и посмотрим еще немного». И Ала ад-Дин встал, и они ходили из сада в сад, пока не обошли все сады и не пришли к одной высокой горе. А Ала ад-Дин в жизни не выходил из города и не ходил столько, и он прямо умирал от усталости. «О дядя, а куда мы идем? — спросил он магрибинца.— Мы оставили сады позади и пришли к этой горе, и если путь еще долгий, то я не могу идти, так как я умираю от усталости. Дальше уже нет больше садов, вернемся же в город!» — «Нет, племянник,— ответил магрибинец,— эта дорога ведет в роскошные сады. Идем, я покажу тебе такой сад, какого не видывал ни один царь. Соберись же с силами, и пойдем! Ты ведь мужчина!» И магрибинец принялся улещать Ала ад-Дина и развлекать его и шел с ним рядом, рассказывая всякие истории, лживые и правдивые, пока они не дошли до того места, к которому стремился магрибинский колдун и ради которого он пришел из земель внутреннего Китая.

И когда они пришли, магрибинец сказал Ала ад-Дину: «Садись, отдохни, о сын моего брата, вот то место, куда мы направляемся. Если захочет Аллах, племянник, я покажу тебе такие чудеса, каких никто не видел, и никто не любовался тем, на что ты полюбуешься. Но после того как ты отдохнешь, встань и поищи нам немного хвороста, кусков дерева, высохших древесных корней и прочего: я хочу развести огонь и показать тебе эту диковинную вещь».

Когда Ала ад-Дин услышал это, ему так захотелось посмотреть, что хочет сделать дядя, что он забыл усталость и утомление и принялся искать и собирать мелкий хворост. Он собирал его до тех пор, пока магрибинец не сказал: «Хватит!» — и тогда колдун тотчас же встал, вынул из-за пазухи кремень и огниво и запалил бывшую при нем серную лучинку. Потом он вынул из-за пазухи свечу и зажег ее, а Ала ад-Дин пододвинул к нему собранную им кучку хвороста, и магрибинец разжег в ней огонь. Он подождал, пока хворост перестал пылать, сунул руку за пазуху, вынул коробочку, открыл ее, взял оттуда немного порошку и бросил его в огонь, и из огня пошел дым, а магрибинец начал колдовать, произносить заклинания и говорить непонятные слова. И вдруг мир потемнел, и загремел гром, и земля затряслась и разверзлась; и Ала ад-Дин испугался, и устрашился, и хотел убежать. И когда магрибинец увидел, что мальчик хочет бежать, он пришел в великую ярость, так как он видел в своем гороскопе, что из его дела без Ала ад-Дина не будет проку,— ведь он хотел добыть сокровище, которое не откроется иначе как при помощи Ала ад-Дина. И вот, увидав, что тот намерен бежать, он поднял руку и так ударил Ала ад-Дина по щеке, что едва не вышиб у него изо рта все зубы, и Ала ад-Дин упал без сознания и немного пролежал на земле вниз лицом, а потом очнулся и спросил: «Дядя, что я тебе сделал и чем заслужил от тебя это?» И магрибинец принялся его уговаривать и сказал: «О дитя мое, я хочу, чтобы ты стал мужчиной! Не прекословь мне, я ведь тебе дядя, взамен отца, и, если захочет Аллах, ты скоро забудешь все эти тяготы, так как увидишь диковинную вещь».

А когда земля разверзлась, из-под нее показался мраморный камень, в котором было кольцо из меди, и магрибинец сказал Ала ад-Дину: «О сын моего брата, если ты сделаешь так, как я тебе скажу, ты станешь богаче всех царей в мире, и по этой причине я и ударил тебя. В этом месте лежит огромное сокровище, и оно положено на твое имя, а ты хотел бежать и упустить его. Но теперь одумайся и посмотри, как я заставил землю раздвинуться своими заклинаниями и заклятьями, и послушай слова, которые я скажу. Взгляни на этот камень с кольцом — под ним то сокровище, о котором я тебе говорил. Возьмись рукой за кольцо и приподними его, и мраморная плита поднимется. Никто, кроме тебя, дитя мое, не может ее поднять, и никто, кроме тебя, не может ступить ногой в эту сокровищницу, так как клад охраняется твоим именем. Но ты должен слушаться того, что я говорю, и не отступать от этого ни на одну букву: это все для твоего блага, так как здесь лежит великое сокровище; все цари мира не добыли даже части его и оно твое и мое&rquo;.

Услышав эти слова, Ала ад-Дин забыл про боль, усталость и тяготы, и охватило его удивление от слов магрибинца: как это он станет богатым до такой степени, что даже цари мира будут не богаче его! «О дядя,—сказал он магрибинцу,— скажи мне, чего ты хочешь. Я покорен твоему приказанию и никогда не стану прекословить тебе»,— и магрибинец промолвил: «О дитя мое, Ала ад-Дин, я хочу для тебя всяко го блага, и нет у меня наследников, кроме тебя одного. Ты — мой наследник и преемник».

И он подошел к Ала ад-Дину, поцеловал его между глаз и сказал: «Ведь все мои труды — для кого они? Все эти труды — для тебя, чтобы сделать тебя богатым до такой степени. Не перечь же мне в том, что я тебе говорю: подойди к этому кольцу и подними его, как я уже говорил».— «О дядя,— сказал Ала ад-Дин,— эта плита тяжелая, и я один не смогуе' поднять. Нужно, чтобы ты подошел и помог мне поднять ее,— я ведь маленький».— «О дитя мое,—молвил магрибинец,— я не могу к ней прикасаться, но положи руку на кольцо, и плита сейчас же поднимется. Я же тебе говорил, что никто не может ее коснуться, кроме тебя. А когда будешь ее поднимать, назови свое имя, имя твоего отца и отца твоего отца, а также имя твоей матери и отца твоей матери».

И тогда Ала ад-Дин выступил вперед и сделал так, как научил его магрибинец. Он потянул плиту — и плита поднялась с полной легкостью, когда он назвал свое имя, имя своего отца и матери и другие имена, о которых говорил магрибинец, и он сдвинул плиту с места и отбросил в сторону, и когда он поднял плиту, под ней оказалось подземелье с лестницей в двенадцать ступенек.

«О Ала ад-Дин,— сказал магрибинец,— соберись с мыслями, сын моего брата, прислушайся к моим словам и сделай все, что я тебе скажу, ничего не упуская. Спустись со всей осторожностью в это подземелье, и когда ты достигнешь его дна, то найдешь там помещение, разделенное на четыре четверти. В каждой четверти ты найдешь четыре кувшина с червонным золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценностями, но берегись, о дитя мое, дотронуться до которого-нибудь из них, и не приближайся к ним, и не бери ничего. Иди вперед, пока не дойдешь до четвертой, последней четверти помещения, и проходя мимо каждой четверти, ты увидишь, что она подобна целому дому, и найдешь в ней, как и в первой четверти, кувшины с золотом, серебром, золотыми слитками и другими драгоценностями. Но иди мимо всего этого и не давай твоей одежде или подолу коснуться какого-нибудь кувшина или даже стен — иначе ты погибнешь. Берегись и еще раз берегись, дитя мое, и не давай твоей одежде коснуться чего-нибудь в этом помещении. Входи туда побыстрей и остерегайся останавливаться, чтобы посмотреть; берегись и еще раз берегись задержаться хоть на одной ступеньке! Если ты сделаешь не так, как я говорю, то будешь сейчас же заколдован и превратишься в кусок черного камня.

А когда ты достигнешь четвертого помещения, то увидишь там дверь. Положи руку на дверь и назови твое имя и имя твоего отца, как ты только что назвал их над плитой,— и дверь тотчас же откроется. Из этой двери ты пройдешь в сад и увидишь, что он весь украшен деревьями и плодами; выйди через сад на дорогу, которую ты увидишь перед собой, и пройди по ней расстояние в пятьдесят локтей; ты увидишь там портик с лестницей — около тридцати ступенек — и увидишь, что вверху портика висит зажженный светильник. Поднимись по лестнице, возьми светильник, погаси его и вылей масло, которое в нем есть, а потом положи светильник в карман и не бойся и не опасайся, что масло запачкает тебе платье. А когда будешь возвращаться, не страшись сорвать с дерева что-нибудь, что тебе понравится, ибо все. что есть в саду и в сокровищнице, станет твое, раз светильник в твоих руках».

Потом колдун-магрибинец, окончив говорить, снял с пальца перстень, надел его на палец Ала ад-Дину и сказал: «О дитя мое, этот перстень избавит тебя от всякого вреда или бедствия, которое сможет тебя поразить, при условии, если ты запомнишь все то, что я тебе сказал. Вставай же теперь и спускайся вниз. Наберись храбрости, и не бойся ничего, и будь человеком с сильным, смелым сердцем, ты ведь не малый ребенок, ты мужчина. И если ты сделаешь все, что я тебе сказал, то через короткое время добудешь огромное богатство, так что не будет в мире никого богаче тебя».

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тогда Ала ад-Дин встал, и спустился по лестнице в подземелье, и увидел там помещение, разделенное на четыре четверти, и в каждой четверти стояло четыре кувшина, полных золота, серебра и других драгоценностей, как и говорил ему магрибинец. И он подобрал полы одежды и прошел по этому помещению со всей осторожностью, чтобы его одежда не коснулась стен или чего-нибудь другого, что было там, и миновал все прочие комнаты, и оказался посреди сада. а из сада он прошел к портику и увидел подвешенный светильник. Тогда он поднялся по ступенькам, взял светильник и вылил из него масло, а потом положил светильник в карман, спустился в сад и начал рассматривать находившиеся там деревья и птиц, прославлявших единого, всепокоряюще-го, на которых и не взглянул, когда входил в сад. Он принялся ходить среди деревьев, а они все были обременены плодами из драгоценных камней, и на каждом дереве камни были иной окраски, чем на другом, и были они всех цветов — белые, зеленые, желтые, красные, лиловые и всякого другого цвета, и блеск их побеждал лучи солнца, и по величине каждый камень превосходил всякое описание. Не найдется ни одного такого у величайшего царя в мире, и нет у него даже камня величиной в половину малейшего из них!

И Ала ад-Дин стоял среди деревьев, уставившись на них, и любовался этими диковинками, исполнившись удивления ибо он видел, что деревья вместо съедобных плодов несут на себе драгоценные камни, отнимающие у человека рассудок,— жемчуга, изумруды, алмазы, яхонты, топазы и другие ценные самоцветы, повергающие умы в смятение. И он стоял и смотрел на эти вещи, которых в жизни никогда не видал, и не знал он, что такое драгоценные камни, как их продают и какая им цена, ибо он, во-первых, был маленький и, во-вторых, сын бедных людей. И он принялся их рассматривать, и дивился на них, и думал, как бы ему нарвать всего этого — винограда, винных ягод и прочих плодов, которые он принимал за настоящие, съедобные,— так ведь обычно думают дети, которые не знают драгоценных камней и не ведают, какая им цена и что это такое. Но когда Ала ад-Дин сорвал немного этих плодов и увидел, что они сухие и несъедобные, твердые, как камень, он решил, что это стекляшки. Он нарвал камней каждого сорта и набил ими все свои карманы, потом снял с себя пояс, наполнил его камнями и снова затянул, и в общем набрал уйму этих плодов, сколько мог снести, думая про себя: «Я украшу этими стекляшками наш дом и буду играть в них с мальчишками».

Потом он вышел из сада и пошел, поспешая, так как боялся своего дяди-магрибинца. Он миновал все четыре отделения и, проходя по ним, даже и не взглянул на кувшины с золотом, которые увидел, когда входил, и достиг лестницы, и поднимался по ней, пока не дошел доверху, и ему осталось только взойти на последнюю ступеньку, но она была высокая, выше остальных, и Ала ад-Дин не мог на нее подняться из-за тяжести ноши, которую нес. И он сказал магри-бинцу: «О дядя, дай мне руку и помоги взойти на эту ступеньку»,— и магрибинец ответил: «Дай мне сначала светильник, сынок, чтобы я мог облегчить тебя,— может быть, это он тебя обременяет».— «Светильник ничуть меня не обременяет! — сказал Ала ад-Дин.— Дай мне только руку, чтобы я мог подняться на ступеньку, а когда я поднимусь, я отдам тебе светильник».

А у магрибинца не было другой цели и нужды, кроме светильника, и он начал приставать и настаивать, чтобы Ала ад-Дин отдал ему светильник раньше, чем выйдет из подземелья, но так как Ала ад-Дин положил светильник в карман, а потом набил все свои карманы драгоценностями, он не мог до него добраться. К тому же всемилостивый вразумил его, и он не соглашался отдать магрибинцу светильник и хотел посмотреть, какие у того намерения и почему тот не дает руку раньше, чем Ала ад-Дин отдаст ему светильник.

«О дядя,— сказал он магрибинцу,— дай мне руку и вытащи меня, а потом бери светильник».

И магрибинец рассердился и начал приставать, чтобы Ала ад-Дин сначала отдал ему светильник, но Ала ад-Дин обещал ему это без дурного намерения — он находился в Глубине кармана. И когда магрибинец увидел, что у Ала ад-Дина нет желания отдать ему светильник и он обещает это сделать только после того, как выйдет из подземелья, его гнев усилился. А Ала ад-Дин обещал ему это без дурного намерения — он и вправду не мог достать светильник, как мы уже говорили.

Что же касается магрибинца, то, когда он увидел, что Ала ад-Дин его не слушается и отказывается дать ему светильник, ум улетел у него из головы от досады и усилилась его ярость. Он тотчас же начал колдовать и произносить заклинанья, и зашептал какие-то слова, и бросил в огонь много порошку, и тогда земля затряслась и подземелье закрылось, как было, и плита легла на него, а Ала ад-Дин остался под землей, внутри подземелья, и не мог выйти, и не было для него прохода, чтобы оттуда выбраться.

А этот магрибинец, колдун, увидал, читая по звездам, что именем Ала ад-Дина заколдовано сокровище, и прикинулся его дядей, чтобы добыть желаемое. Он учился наукам в своей стране, в стране Ифракии, и среди прочих указаний увидел, что в некоей земле, а именно в городе Калкасе, хранится огромный клад и в нем — светильник, и кто добудет этот светильник, тот станет страшно богат, богаче всех царей земли. И он обнаружил, гадая на песке, что эта сокровищница откроется только через мальчика, имя которому Ала ад-Дин, происходящего из дома бедных людей, и тогда он еще раз рассыпал песок, и вывел гороскоп мальчика, и проверял и уточнял, пока не узнал, каков образ Ала ад-Дина и какова его внешность.

И тогда магрибинец снарядился и направился в китайские земли, как мы уже говорили. Он хитростью сошелся с Ала ад-Дином и надеялся получить желаемое, но когда Ала ад-Дин отказался отдать ему светильник, чаяния его пошли прахом, и надежды пресеклись, и пропали все труды его даром. И тут он захотел убить Ала ад-Дина и закрыл над ним землю, чтобы ни он, ни светильник не могли выйти, и пустился в дорогу удрученный, и вернулся в свою страну. Вот что было с магрибинцем.

Что же касается Ала ад-Дина, то, когда он увидел, что подземелье над ним закрылось, он принялся кричать: «Дядя, дядя!» — но никто не дал ему ответа, и он понял, какое коварство учинил с ним магрибинец, и догадался, что это вовсе не его дядя.

И Ала ад-Дин потерял надежду жить и убедился, что нет ему выхода из-под земли, и начал рыдать и плакать из-за того, что с ним случилось, а потом он поднялся, чтобы посмотреть, не найдется ли прохода из подземелья, через который он мог бы выйти. Он повернулся направо и налево, но ничего не увидел, кроме глубокой тьмы и четырех стен, ибо магрибинец замкнул своим колдовством все двери, которые были в подземелье, и даже дверь в сад, чтобы Ала ад-Дин поскорее умер.

И когда Ала ад-Дин увидел это, рассудок его исчез от сильного горя. Он вернулся к лестнице, ведущей в подземелье, и сел там, плача о своем положении, но великий Аллах,— да возвысится величие его! — когда он чего-нибудь захочет, говорит: «Будь!» — и это бывает, и по сокрытой своей благости судил он Ала ад-Дину спасение.

И Ала ад-Дин сидел на лестнице, плача, рыдая и ударяя себя по щекам, и усилилась его печаль, и просил он Аллаха о милости и спасении. А раньше мы говорили, что магрибинец, спуская Ала ад-Дина в подземелье, дал ему перстень, и надел его мальчику на палец и сказал: «Этот перстень вызволит тебя из всякой беды, в которую ты попадешь»,— и вот, когда Ала ад-Дин плакал и бил себя по щекам от горя, он начал потирать себе руки и, потирая их, задел за тот перстень. И тотчас же вырос перед ним марид, один из рабов господина нашего Сулеймана,— да почиют над ним благословения Аллаха! — и воскликнул: «К твоим услугам, к твоим услугам! Гвой раб перед тобой! Гребуй от меня чего хочешь, ибо я позорный раб того, в чьих руках находится этот перстень».